

СОВЕТЫ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ 1917 г.

Светлана Ивановна ЛАЗАРЕВА,
кандидат исторических наук

На всех значительных поворотах истории нашей страны проблемы власти, как правило, выдвигаются на первый план. Являясь чрезвычайно сложными и противоречивыми, они не зря вызывают бурную полемику. Сегодня, когда идет процесс возникновения новых и совершенствование старых политических институтов, изучение особенностей организации власти на Дальнем Востоке после Октября 1917 г. дает возможность сделать представляющие интерес для современной политической практики выводы и обобщения.

Отечественная историография в течение многих десятилетий уделяла большое внимание вопросам революций в России (Февральской и Октябрьской), которые по своему влиянию на последующий ход мировой истории относятся к самым знаковым, выдающимся событиям, оказавшим громадное влияние на судьбы многих народов и государств¹. Нельзя отрицать вклад советской историографии в исследование данных проблем, но, к сожалению, долгое время во многих из них всемерно превозносились значимость и эффективность революций, негативные последствия оставались в тени.

Новый этап в исторической науке (с 90-х годов XX в.), начавшийся с инвентаризации и ревизии ранее наработанного, выявления «белых пятен», поиска методологических подходов, позволил историкам сформировать новую концепцию Октябрьской революции, в основе которой лежит тезис о ее неслучайности². Это нашло отражение в статьях Б.И. Мухачева, Т.Я. Иконниковой, Н.А. Троицкой³ и др., где предпринимались попытки переосмыслить сложившиеся концепции обеих революций. Важным событием в историографии проблемы явилось издание первой книги фундаментального коллективного труда «История Дальнего Востока России. Кн. 1. Дальний Восток России в период революций 1917 года и Гражданской войны» (Владивосток: Дальнаука, 2003) под редакцией доктора исторических наук Б.И. Мухачева, в котором пересматриваются революционные события 1917 г., Гражданская война и интервенция, выдвигаются новые концепции. Такой подход позволил выявить вопросы, которые и сегодня носят дискуссионный характер.

Тот факт, что большинство нынешних трудностей и проблем России уходят своими корнями в далекие послереволюционные годы, также придает особую важность всестороннему изучению особенностей организации власти на Дальнем Востоке после Октября 1917 г. с акцентом на земских и городских органах самоуправления, которые определенное время функционировали параллельно с местными Советами.

Автор этой статьи пытается показать, что после Октябрьской революции 1917 г. в стране сложилась такая система власти, в которой все представительные органы (сверху донизу) стали входить в единую систему государственной власти, что, естественно, изменило прежние (до революции) представления о местном самоуправлении как самоуправлении народа. Все это привело к тому, что земства и городские думы стали рассматриваться большевиками как «буржуазный пережиток» и были отвергнуты.

Характер и направленность процессов организации власти на местах в России коренным образом изменились после Октября 1917 г. Был взят курс на ликвидацию старых органов местного самоуправления и создание, а в дальнейшем и упрочение власти местных Советов, что осуществлялось не только вооруженным путем, но в значительной мере через проведение в жизнь нормативных актов. основополагающим правовым актом, регламентировавшим организацию государственной власти, стало обращение к «Рабочим, солдатам и крестьянам!», принятое на II Всероссийском съезде Советов. В нем подчеркивалось, что, опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, на победоносное восстание рабочих и гарнизона, «...съезд берет власть в свои руки... Съезд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок»⁴. В дальнейшем съезд принял ряд нормативных актов.

В обращении Народного комиссариата внутренних дел «Об организации местного самоуправления» от 24 декабря 1917 г. говорилось: «Необходимо действовать так, чтобы местные Советы стали действительно органами местной власти. Они должны подчинить себе все учреждения как административные, так и хозяйственные, финансовые и культурно-просветительные»⁵. 5 января 1918 г. Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов принял постановление «О признании контрреволюционным действием всех попыток присвоить себе функции государственной власти». Данным правовым актом подтверждалось, что «Вся власть в Российской Республике принадлежит Советам и советским учреждениям... Поэтому всякая попытка со стороны кого бы то ни было или какого бы то ни было учреждения присвоить себе те или иные функции государственной власти будет рассматриваема как контрреволюционное действие»⁶.

Однако жизнь оказалась сложнее. В силу объективных на первом этапе причин произошло смещение функции власти с советских структур на партийные, в результате чего социально-политическое развитие пошло не по пути усиления самоуправления, а по пути концентрации власти в руках руководящего ядра партийного аппарата как в центре, так и на местах.

12—20 декабря 1917 г. в г. Хабаровске состоялся III Дальневосточный краевой съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, на котором большинством голосов (69 — за, 4 — против и 6 — воздержавшихся) была принята предложенная большевиками Декларация о переходе на Дальнем Востоке власти к Советам. В ней Совет Народных Комиссаров признавался «единой центральной властью», а местные Советы — единственным закон-

ным представителем центральной советской власти на Дальнем Востоке. Решением съезда на Краевой комитет Советов возлагалась обязанность проводить в жизнь «все решения II Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и декреты Совета Народных Комиссаров»⁷.

Анализируя законодательство того периода, ученые чаще всего выделяют три характерные черты, присущие местным Советам. Во-первых, они являлись органами власти и управления существовавших тогда административных территорий. Во-вторых, оставалась организационная взаимосвязь и соподчиненность по вертикали. И, наконец, при определении компетенции и пределов полномочий местных Советов устанавливалась их самостоятельность в решении вопросов местного значения, но их деятельность допускалась лишь в соответствии с решениями центральной власти и вышестоящих Советов.

Процесс перехода государственной власти на местах к Советам быстрым не получился. В декабре 1917 г. Народный комиссариат внутренних дел (Наркомвуд) по поручению советского правительства дал официальное разъяснение взаимоотношениям Советов с органами местного самоуправления. В нем указывалось, что земства и городские думы, выступающие против или саботирующие их решения, подлежат немедленной ликвидации; органы местного самоуправления, лояльно относящиеся к Советам, сохраняются.

Однако историки отмечают, что даже при сохранении «традиционных» органов местного самоуправления ни о каком равноправии с Советами не могло быть и речи. Этим позиция большевиков кардинальным образом отличалась от позиции других политических партий. Так, меньшевики и эсеры, выступая за сохранение земств и городских дум, предлагали разделить функции местного управления между ними и Советами. Советы, по их мнению, должны были выполнять функции политические и культурно-воспитательные, а все вопросы экономической жизни оставались бы в земствах и городских думах.

Вследствие своеобразия возникшей ситуации на восточной окраине России установились особые взаимоотношения между советскими органами власти на местах и органами местного самоуправления. Учитывая эти обстоятельства, III съезд Советов принял решение о временной коалиции с земствами. На заседании Дальневосточного краевого комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, проходившем 5 января 1918 г., был создан коалиционный орган, получивший наименование Дальневосточного краевого комитета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и самоуправлений. Председателем комитета был избран А. Краснощеков, товарищем председателя — Г. Колманович⁸.

Компромисс с земством мог стать началом привлечения в совместное управление краем и крестьянства, чего так не хватало краевому съезду Советов. В состав краевого комитета было избрано 18 членов от Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, и, кроме того, пять мест получили представители земских организаций. Такое распределение гарантировало краевому комитету большинство голосов при решении всех вопросов.

7 января 1918 г. Дальневосточный краевой комитет Советов и самоуправлений во исполнение постановления III Дальневосточного краевого съезда Советов рабочих и солдатских депутатов и постановления Приморского областного земского собрания объявил себя единственным представителем центральной власти в крае⁹. Включение представителей земств в его состав превращало комитет в орган не только Советов, но и самоуправлений, что и выразилось в его названии — Дальневосточный краевой комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и самоуправлений. Таким образом, Дальневосточный комитет получал право требовать подчинения административных аппаратов всех областей, в том числе и там, где было образовано земство.

С предложениями о создании совместного с Советами органа власти выступали Приморское областное земство и Владивостокское городское самоуправление. Но Владивостокский Совет отказался от сотрудничества. 7—10 марта 1918 г. 2-е Чрезвычайное Приморское областное земское собрание, ссылаясь на заявление консульского корпуса о признании им только власти земства и городских дум, поручило Приморскому земству принять управление областью. По решению IV Дальневосточного краевого съезда Советов в конце апреля — начале мая Приморская земская управа и Владивостокская городская дума были распущены¹⁰.

Нельзя не согласиться с мнением специалиста по советскому строительству Б.И. Мухачева, что нежелание большевиков в 1918 г. выйти за рамки их догмы, которая мешала созданию хотя бы временной коалиционной, однородной социалистической власти, способствовало развитию гражданской войны и интервенции в крае. Необходимость этой коалиции большевикам стала понятнее во время подготовки к свержению колчаковской власти в Приморье в начале 1920 г. После ее свержения было создано переходное государственное образование — Приморская областная земская управа¹¹.

III краевой съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Дальнего Востока упразднил должности областных комиссаров бывшего Временного правительства. В крае стал создаваться советский государственный аппарат¹², для формирования которого необходимо было иметь четкое представление об административной структуре самого Совета, чего не было у новой власти. На запрос Хабаровского краевого Совета нарком внутренних дел Г. Петровский ответил, что необходимо «...старый административный аппарат упразднить за исключением того, что может быть приспособлено к новому аппарату. Новый аппарат строить по принципу центральной власти»¹³.

Этот принцип и был положен в основу административной структуры органов управления краем. Видимо, именно этим можно объяснить, почему на IV съезде краевой Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов был переименован в Дальневосточный Совет народных комиссаров (Дальсовнарком), а отделы стали именоваться комиссариатами.

В числе первых приказов, принятых Дальневосточным краевым комитетом Советов по формированию властных структур в крае, особое место занимал приказ № 8 по Дальнему Востоку от 18 января 1918 г., в котором содержался принципиально новый подход к организации власти: «Сове-

ты рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, являясь органами власти на местах, вполне самостоятельны в вопросах местного характера, но всегда действуют сообразно декретам и постановлениям как центральной советской власти, так и более крупных объединений (уездных, губернских и областных Советов), в состав которых они входят».

На Советы как органы власти возлагались задачи управления и обслуживания всех сторон местной жизни. Советы должны были проводить в жизнь «...все декреты и постановления центральной власти, принимать меры к самому широкому оповещению населения об этих постановлениях, производить реквизиции и конфискации, налагать штрафы, закрывать контрреволюционные органы власти, производить аресты и распускать общественные организации, призывающие к активному противодействию или свержению Советской власти»¹⁴.

Таким образом, местные Советы открыто становились органами государственной, причем классовой власти — рабочих, крестьян, солдат и батраков, — которая противопоставлялась власти свергнутого Временного правительства, представлявшего собой буржуазно-демократическую альтернативу советской власти. Новая власть могла заниматься вопросами местного характера, но в рамках, установленных центральными органами.

Создание Советов и ликвидация местных органов самоуправления на Дальнем Востоке имели свои особенности: если разрушение прежних политических институтов проходило одновременно со строительством Советов по всей стране, то двоевластие на Дальнем Востоке (особенно на Сахалине и Камчатке) сохранялось продолжительное время. По тактическим соображениям большевики Дальнего Востока пошли на временную коалицию с земствами и др., однако коалиция Советов с земствами оказалась недолгой. Идея местного самоуправления, предполагавшая известную децентрализацию власти, независимость и самостоятельность органов общественного управления, вошла в противоречие с практическими задачами государства пролетарской диктатуры, являвшегося по самой своей природе централизованным государством. Жесткая политическая доктрина большевиков не оставляла места городским и земским самоуправлениям в политической системе советского общества.

6 февраля 1918 г. Наркомат внутренних дел разослал циркуляр, в соответствии с которым подлежали роспуску городские и земские органы самоуправления, выступавшие против советской власти, а остальные органы самоуправления должны были вливаться в аппарат местных Советов, «дабы не было двух однородных органов, ведающих одной и той же работой»¹⁵.

«...Ликвидация самоуправления должна производиться постепенно, по мере того, как Совет овладеет той работой, которая до сих пор лежала на органах самоуправления. При этом весь технический аппарат и касса переходят в руки Советов...»¹⁶

Одним махом ликвидировать органы земского и городского самоуправления было невозможно, особенно в тех районах, где Советы еще только создавались. К ним относился и Дальневосточный край. Здесь Советы не располагали необходимым опытом, специальным аппаратом,

подготовленными и преданными советской власти кадрами. Кроме того, определенная часть дальневосточного крестьянства сохранила веру в Учредительное собрание.

При рассмотрении причин, почему местные органы советской власти до весны 1918 г. не предпринимали решительных мер по ликвидации городского и земского самоуправления на Дальнем Востоке, согласимся с мнением академика А.И. Крушанова, который отмечал, что последние кроются в исторических обстоятельствах. Во-первых, основной политической организацией дальневосточного крестьянства в конце 1917 — начале 1918 г. стали земские собрания и управы, так как Советы только начинали создаваться; во-вторых, земские настроения у значительной части крестьянства, энергично внушавшиеся эсеровскими руководителями сельских органов самоуправления, были настолько значительными, что большевикам приходилось считаться с политическим положением в деревне и медлить с проведением советизации¹⁷. Следует добавить, что консульский корпус получал от своих правительств директивы не признавать органы советской власти, быть в контакте только с земскими и городскими самоуправлениями¹⁸. С этим обстоятельством тоже приходилось считаться из-за опасений иностранной интервенции.

За городскими думами и земствами некоторое время оставалось право под контролем Советов издавать нормативные акты в пределах своей компетенции, выступать от имени краевой власти Советов и самоуправления и т.д. Они в законодательном порядке через высший орган краевой власти — съезд Советов — имели право принимать участие в политической жизни Дальнего Востока.

Но тактика соглашения Советов с земствами (с точки зрения советской власти) себя не оправдала. Отказ от ликвидации старых органов местного самоуправления и попытка частично их использовать на Дальнем Востоке привели к крайне нежелательным для большевиков политико-правовым последствиям. Эсеры утверждали, что земства выражают интересы всего населения Дальнего Востока, а Советы — лишь отдельных социально-политических групп, поэтому земства должны стать органами государственной власти. Советы рассматривались как совещательные органы при местном самоуправлении. Земствам должны были предоставить широкие полномочия, а функция Советов — оказывать им помощь в решении земельного вопроса. К тому же эсеры отстаивали «самостоятельность» Советов крестьянских депутатов и старались не допустить их объединения с Советами рабочих и солдатских депутатов. Это была стратегическая линия, направленная на постепенное сужение роли Советов в жизни края и последующую их ликвидацию, замену земствами.

Одновременно земства и органы городского общественного самоуправления на Дальнем Востоке стали на путь прямого отказа от выполнения декретов советского правительства, объявляя их незаконными и неприемлемыми для окраин России. Издания органов местного самоуправления этого периода постоянно подчеркивали, что законы и постановления Временного правительства должны сохранять свою силу, потому что они определяют всю постреволюционную жизнь общества и государства¹⁹.

Важно подчеркнуть, что в условиях крушения коалиции земств и Советов на Дальнем Востоке эсеры, чтобы сохранить органы местного самоуправления, готовы были формально отказаться от принадлежавших земствам политических функций. Они предлагали советской власти восстановить статус-кво, т.е. вновь передать земствам ведение хозяйственных дел, а Советам предоставить общеполитические и правовые вопросы²⁰. Но большевики края отклонили этот план. Процесс ликвидации органов местного самоуправления продолжался.

В апреле 1918 г. состоялся IV съезд Советов Дальнего Востока, который подвел итоги советского государственно-правового строительства и принял постановление, направленное на окончательную ликвидацию органов местного самоуправления в регионе. Однако в отдельных районах этот процесс затянулся. Во-первых, из-за сопротивления меньшевистско-эсеровских руководителей, имевших большое влияние в земствах; во-вторых, по причине вхождения представителей от земств в состав крайисполкома, от имени которого длительное время действовали органы местного самоуправления; в-третьих, это объяснялось неопытностью Советов в хозяйственных делах, чем пользовались земцы, всячески саботируя передачу им дел; в-четвертых, земские руководители надеялись, устранив Советы, сохранить за собой политическую власть в крае.

После III краевого съезда Советов активизировалась борьба за власть Советов в Сахалинской области. Здесь действовал созданный еще в конце ноября 1917 г. областной исполком Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, но с преобладающим влиянием в нем меньшевиков и эсеров. В начале марта 1918 г. представители от земской и городской управ вошли в состав областного исполнительного комитета, который в дальнейшем стал именоваться Областным исполнительным комитетом Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и самоуправлений. Был сформирован новый президиум исполкома. Сохранились земская и городская управы, но за ними признавались лишь хозяйственно-бытовые функции. Следует учитывать и тот факт, что в Сахалинской области, в ее двух уездах, Советы еще не были образованы. Власть представляли волостные и уездные земские управы, а 20 марта в Александровске-Сахалинском сформировали «Коллектив самоуправлений Сахалина»²¹. В его состав вошли представители Совета крестьянских депутатов, земства и думы г. Александровска. Этот коалиционный орган, работавший под контролем объединенного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, продержался всего несколько месяцев. В июне Сахалинский областной Совет ликвидировал оставшиеся органы местного самоуправления.

В Камчатской области после III Дальневосточного краевого съезда Советов также активизировалась борьба за власть. В январе 1918 г. здесь продолжал действовать областной комитет, придерживавшийся буржуазно-демократической позиции. Он опирался на уездные комитеты, созданные еще при Временном правительстве. Горсовет при поддержке военного гарнизона и профсоюзов имел достаточно сил, чтобы упразднить областной комитет, но удержать власть в области было бы трудно, так как большинство населения относилось к нему с доверием. Поводом к решительным

действиям Петропавловского Совета рабочих и солдатских депутатов послужило стремление областного комитета и бывшего комиссара Камчатской области ликвидировать Петропавловский Совет, вывести из состава Камчатского комитета рабочих делегатов, запретить организацию Красной гвардии и ввести «автономию Камчатки». В ответ вся хозяйственная и политическая власть сконцентрировалась в городском Совете, а областной комитет после частичного изменения его состава 27 февраля 1918 г. был реорганизован в Камчатский областной Совет²².

По-иному складывались события в Приморье. В январе 1918 г. под руководством большевиков началось упразднение земств и замена их Советами (иногда они просто переименовывались). Только в марте 10 волостных земств стали Советами. Однако Приморская земская управа отказалась от сотрудничества с Советами, ее поддержали иностранные консулы, обратившиеся к ней с ультимативным требованием навести в городе и области порядок²³.

После появления первых интервентских войск во Владивостоке III «чрезвычайное» Приморское областное земское собрание открыто выступило против Советов. 24 апреля 1918 г. оно 14 голосами (8 чел. от Владивостокской, 3 чел. от Хабаровской городских дум и по одному гласному от Хабаровского, Иманского и Никольск-Уссурийского уездов) приняло решение о сохранении областного земства и объявило себя единственным правомочным органом власти в Приморье²⁴.

Создание Советов проходило в условиях острой классовой борьбы. IV Чрезвычайный съезд Советов крестьян и казаков Приморской области (апрель 1918 г.) единогласно принял решение о полной ликвидации органов местного самоуправления. Владивостокский Совет распустил городскую думу и Приморскую областную земскую управу. Был создан Совет городского хозяйства Владивостока, часть служащих управы приняла участие в его работе. Руководство городской думы пыталось не обращать внимания на эту акцию и продолжать свою без должного кворума. В адрес служащих управы, которые стали сотрудничать с советской властью, оно выступило с угрозой, обещая уволить или лишит заштатного содержания, когда власть думы будет восстановлена²⁵.

Постепенно упразднение земств приобрело организованный характер и проходило на основании решений съездов крестьянских Советов²⁶. Часто сами земства проводили реорганизацию своих органов в Советы, как, например, Чрезвычайное Хабаровское земское собрание. 15 февраля 1918 г. оно признало единственной властью как в центре, так и на местах Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и решило переименовать земство в Хабаровский уездный Совет крестьянских депутатов²⁷. Инициатива уездного собрания была одобрена и подхвачена на волостном уровне²⁸.

Ольгинская уездная земская управа, основываясь на постановлении III Крестьянского съезда в Никольске-Уссурийском по вопросу об отношении к земству (февраль 1918 г.), посчитала, что «двоевластие приведет к окончательной разрухе экономической жизни уезда, поэтому находит нужным предложить населению... образовать сельские, волостные и уездные крестьянские Советы»²⁹.

Не всегда такие решения давались просто, о чем свидетельствуют итоги голосования. Например, упомянутое постановление собрания депутатов Тетюхинского волостного земства было принято 13 голосами против четырех при девяти воздержавшихся³⁰. В глазах значительной части крестьянства демократическое всесословное земство встречало большее взаимопонимание, чем узкоклассовые Советы.

В Амурской области упразднение волостных и уездных земств и установление единовластия Советов на местах проходило по инициативе самих крестьян. IV съезд крестьянских депутатов от Амурской области 25 февраля 1918 г. принял резолюцию, в которой говорилось: «...Единственной властью как в центре, так и на местах признать Совет рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов...» В начале марта 1918 г. Амурский исполком Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов принял решение распустить земства и передать их функции комиссариатам³¹. Все это закончилось кровопролитными боями. 6 марта 1918 г. Благовещенск был захвачен мятежниками, гарнизон разоружен, красногвардейцы отступили к деревне Астрахановке, где началось формирование революционной армии. Прибыла помощь от населения области и из Хабаровска. Сформированная в течение недели армия 12—13 марта освободила город от повстанцев.

Ликвидация органов местного самоуправления была прервана свержением советской власти на Дальнем Востоке летом 1918 г. Окончательное их упразднение произошло в крае только в конце 1922 г. Это было обусловлено рядом причин, среди которых прежде всего затянувшаяся борьба за установление советской власти в Дальневосточном крае и образование Дальневосточной республики (ДВР).

Таким образом, традиции местного самоуправления дореволюционной России не получили своего дальнейшего развития в практике государственного строительства советской России. Сложившееся местное самоуправление оказалось несовместимо с системой власти, которая формировалась большевиками. Слом старой государственной машины на всех иерархических уровнях власти и замена ее новым аппаратом с самого начала сопровождалась реализацией ленинской идеи сращивания государственной власти и местного самоуправления, единства высших и местных (сверху донизу) государственных органов³². Власть Советов означала, что завершилось создание и государственное оформление диктатуры рабочего класса под руководством коммунистической партии.

¹ История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1. Дальний Восток России в период революций 1917 г. и гражданской войны. Владивосток: Дальнаука, 2003. С. 7.

² Там же. С. 19.

³ Мухачев Б.И. «Белые пятна» Красного Октября» // Россия и АТР. 1995. № 2; Он же. К вопросу о новых подходах к изучению истории Октябрьской революции // Дальний Восток в контексте мировой истории: От прошлого к будущему: материалы междунар. науч. конф. Владивосток, 1997; Он же. Дальний Восток России в 1917—1922 гг. // Россия и АТР. 1997. № 3; Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы первой мировой войны. Хабаровск, 1999; Троицкая Н.А. Отношение дальневосточников к Учредительному собранию по документам Российского

- государственного архива Дальнего Востока // Эволюция и революция: опыт и уроки мировой и российской истории. Хабаровск, 1997 и др.
- 4 Андреев А.М. Местные Советы и органы буржуазной власти (1917). М., 1983. С. 272.
 - 5 Там же. С. 276.
 - 6 Там же. С. 278.
 - 7 ГАХК. Протокол III Дальневосточного краевого съезда Советов. Хабаровск, 1917. С. 5—47.
 - 8 Дальсовнарком. 1917—1918: сб. док. и материалов. Хабаровск, 1969. С. 42—43.
 - 9 Там же. С. 47.
 - 10 Мухачев Б.И. К вопросу о создании переходных органов власти на Дальнем Востоке в 1917—1922 гг. // Дальний Восток России в системе международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе: история, экономика, культура (Третьи Крушановские чтения, 2003 г.). Владивосток: Дальнаука, 2006. С. 368.
 - 11 Там же.
 - 12 ГАХК. Ф. 2250, оп. 2, д. 13, л. 8.
 - 13 ГАРФ. Ф. 130, оп. 2, д. 733-1, л. 1828.
 - 14 ГАХК. Ф. 1736, оп. 1, д. 12, л. 48; Дальневост. известия. 1918. № 15. 20 янв.
 - 15 Кутафин О.Е., Фадеев В.И. Муниципальное право Российской Федерации. М., 1997. С. 72.
 - 16 Вестник НКВД. 1918. № 4. 24 янв. С. 7.
 - 17 Крушанов А.И. Октябрь на Дальнем Востоке. Владивосток, 1969. Ч. 2. С. 84—85.
 - 18 Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке (октябрь 1917 — октябрь 1918 г.): док. и материалы. Владивосток, 1997. С. 47, 51—53.
 - 19 Самоуправление (Николаевск-на-Амуре). 1917. 16 нояб.
 - 20 Назимок В.Н. Борьба Советов против буржуазных органов самоуправления на Дальнем Востоке. Томск, 1968. С. 89.
 - 21 Победа Советской власти на Северном Сахалине (1917—1925 гг.): сб. док. Южно-Сахалинск, 1959. С. 68.
 - 22 Крушанов А.И. Победа Советской власти на Дальнем Востоке и в Забайкалье (1917 — апрель 1918 г.). Владивосток, 1983. С. 156—158.
 - 23 История Дальнего Востока России. Кн. 1. Дальний Восток России в период революций... С. 168.
 - 24 ГАХК. Ф. 1736, оп. 1, д. 158, л. 44, 45, 46; Далекая окраина. Владивосток, 1918. 9 апр.
 - 25 Мухачев Б.И. Политическая деятельность Владивостокской городской думы в марте 1917 — июле 1918 гг. // Изв. Российского гос. ист. архива Дальнего Востока: сб. науч. тр. Владивосток, 1998. Т. 3. С. 166.
 - 26 ГАХК. Ф. 1736, оп. 1, д. 158, л. 21, 22.
 - 27 Чернышева В., Чечулина Г., Сутурин А. Хабаровск. 1858—1983: Очерки истории. Хабаровск, 1983. С. 113—114.
 - 28 ГАХК. Ф. 1736, оп. 1, д. 158, л. 18.
 - 29 Там же. Ф. 260, оп. 1, д. 1, л. 30.
 - 30 Борьба за власть Советов в Приморье. Владивосток, 1968. С. 117—118.
 - 31 Крушанов А.И. Победа Советской власти на Дальнем Востоке... С. 173—174.
 - 32 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 75.

SUMMARY: The article by Candidate of Historical Sciences Svetlana Lazareva reveals the complex process of simultaneous formation of the Soviets and liquidation of the local self-government in the Far East after October, 1917. There considered the basic principles that were the base in the activity of the Soviet leaders. There analyzed the first documents of the Far Eastern regional Soviet committees on forming the regional authority structures.